

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.081-088

П. В. Сергеев*

Информационные детерминанты насилия против личности и превентивная функция права

Аннотация. В статье анализируются проблемы правового регулирования оборота информации, оправдывающей насилие против личности. Обосновываются актуальность проблемы и необходимость ее разрешения в приоритетном порядке. Особое внимание уделяется используемому законодателем понятийному аппарату и вопросам ответственности. Отмечается неоправданное разнообразие терминов, содержащихся в релевантных нормативных правовых актах («призывы», «пропаганда», «обоснование», «оправдание», «побуждение»), а также отсутствие единообразного понимания насилия в правоприменительной практике. Критически анализируется социоцентризм подхода законодателя к ответственности за пропаганду насилия, вследствие чего безопасность личности представляется правоприменителю менее значимой в сравнении с безопасностью социальной группы. Сопоставляется отечественное и зарубежное регулирование рассматриваемой сферы общественных отношений. Делается вывод о необходимости системного подхода к решению проблемы, межотраслевого совершенствования российского законодательства. Итогом такого совершенствования должно стать признание пропаганды насилия против личности не менее опасной, чем пропаганда политически, идеологически и религиозно мотивированного насилия.

Ключевые слова: безопасность личности; информация; насилие; обоснование; оправдание; ответственность; побуждение; призывы; пропаганда; противоречия.

Для цитирования: Сергеев П. В. Информационные детерминанты насилия против личности и превентивная функция права // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 81–88. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.081-088.

© Сергеев П. В., 2024

* Сергеев Петр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, доцент кафедры гражданского права и процесса Смоленского филиала Международного юридического института
Пржевальского ул., д. 4, г. Смоленск, Россия, 214000
lawpvs@yandex.ru

Informational Determinants of Violence Against Person and the Preventive Function of Law

Petr V. Sergeev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Smolensk State University; Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Smolensk Branch of the International Law Institute, Smolensk, Russian Federation
lawpvs@yandex.ru

Abstract. The paper analyzes the problems of legal regulation of the circulation of information justifying violence against person. The urgency of the problem and the need to resolve it as a matter of priority are substantiated. Special attention is paid to the conceptual apparatus used by the legislator and issues of responsibility. There is an unjustified variety of terms contained in relevant normative legal acts («appeals», «propaganda», «justification», «advocating», «incitement»), as well as the lack of a uniform understanding of violence in law enforcement practice. The author critically analyzes the sociocentrism of the legislator's approach to responsibility for the propaganda of violence, as a result of which the security of the individual seems to the law enforcement officer to be less significant in comparison with the security of a social group. The author compares domestic and foreign regulation of the considered sphere of public relations. The conclusion is made about the need for a systematic approach to solve the problem, inter-sectoral improvement of Russian legislation. Such improvement should result in recognition of the propaganda of violence against person as no less dangerous than the propaganda of politically, ideologically and religiously motivated violence.

Keywords: personal security; information; violence; justification; advocating; responsibility; motivation; appeals; propaganda; contradictions.

Cite as: Sergeev PV. Informational Determinants of Violence Against Person and the Preventive Function of Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(3):81-88. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.081-088

Н е требует дополнительного обоснования утверждение, что насилие сопровождает человечество на протяжении всей его истории¹. Очевидно также, что именно право тысячелетиями удерживает общество от скатывания в состояние *bellum omnium contra omnes*², обеспечивая его поступательное развитие.

Вместе с тем именно насилие до сих пор является одной из основных причин смертности в мире среди людей в возрасте от 15 до 44 лет³. Актуальна данная проблема и для России. Согласно официальной статистике, количество убийств и покушений на убийство в России

в 2022 г. превысило аналогичный показатель прошлого года, а совокупное количество особо тяжких преступлений, которые охватывают наиболее опасные посягательства против жизни, здоровья, половой неприкосновенности личности, неуклонно растет уже с 2019 г.⁴ Закономерными последствиями этого являются демографическое старение населения, затраты на оперативно-розыскную деятельность, медицинскую и психологическую помощь пострадавшим. Перманентная угроза насилия является также причиной пессимизма, стресса и сниже-

¹ См., например: *Игнатов А. Н.* Насилие как фундаментальный тренд цивилизационного развития человечества. Часть 3 : Постиндустриальный период // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 4 (ч. 2). С. 73–80 ; *Красиков В. И.* Насилие в истории и современном обществе: социальные, политические и правовые метаморфозы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 2 (57). С. 58–62.

² Лат.: «война всех против всех».

³ *Котова Н. К.* Проблема насилия в современном обществе // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. № 1 (59). С. 241–247.

⁴ Показатели преступности России // Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 14.07.2023).

ния творческой активности и работоспособности человека⁵.

Приведенные данные показывают, что реализацию превентивной функции права в сфере насилия против личности сложно признать эффективной. Причины этого видятся не столько в проблеме обеспечения неотвратимости наказания, сколько в отсутствии со стороны законодателя системного подхода к нейтрализации самих детерминант насилия.

Если З. Фрейд объяснял жестокость самой природой человека⁶, что ограничивало предотвращение насилия лишь угрозой ответственности и неоднозначными перспективами медицинской генетики, то уже Э. Фромм рассматривал проблему комплексно, утверждая, что причина насилия кроется не только в биологических, но и в культурных, ценностных факторах, которыми насыщена социальная среда⁷. Известный эксперимент с куклой «Бобо», проведенный в 1961 г. в целях подтверждения теории социального научения, наглядно продемонстрировал, что даже пассивное наблюдение за жестокостью формирует у наблюдателя модель поведения, предполагающую применение насилия⁸.

Особую актуальность проблема социальных возбудителей насилия приобретает в информационную эру, когда перечень источников ценностных ориентиров постоянно расширяется. Не могут не вызывать беспокойство распространяемые в художественных произведениях, играх, социальных сетях паттерны насилия как эффективного, а зачастую и единственного, спо-

соба разрешения социальных противоречий или удовлетворения личных потребностей.

Еще в 1999 г. Европейский Суд по правам человека, безусловно признающий свободу слова как одну из высших ценностей, указал тем не менее, что средства массовой информации не должны становиться средством пропаганды насилия (§ 63 постановления от 08.07.1999 по делу «Шюрек (Süreker) и Ездемир (Özdemir) против Турции»). Это утверждение нашло свое отражение в законодательстве многих государств, в том числе и в российском.

Согласно ст. 4 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-I «О средствах массовой информации» не допускается использование средств массовой информации для распространения материалов, пропагандирующих насилие и жестокость⁹. В соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 5 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» реклама не должна призывать к насилию и жестокости¹⁰. Часть 1 ст. 10.6 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» обязывает владельцев активно посещаемых сайтов и (или) страниц сайта в сети «Интернет» не допускать их использование в целях распространения материалов, пропагандирующих насилие и жестокость¹¹. Сходное требование установлено для организаторов просветительской деятельности в п. 9 Правил осуществления просветительской деятельности¹². Подпункт 3 п. 2 ст. 5 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

⁵ Бильданова В. Р., Бисерова Г. К., Шагивалеева Г. Р. Психология стресса и методы его профилактики : учеб. пособие. Елабуга : Издательство ЕИ КФУ, 2015. С. 22.

⁶ Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М. : Ренессанс, 1992. С. 158.

⁷ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М. : АСТ, 1998. С. 119–122.

⁸ См. подробнее: Цветков В. Л. Профилактика асоциального поведения малолетних // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2005. № 1 (23). С. 56–58.

⁹ Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-I «О средствах массовой информации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.

¹⁰ Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

¹¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

¹² Правила осуществления просветительской деятельности, утвержденные постановлением Правительства РФ от 01.07.2022 № 1195 // СЗ РФ. 2022. № 28. Ст. 5112.

относит к информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей, информацию, обосновывающую или оправдывающую допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающую осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным¹³. Однако практическое применение обозначенных норм сопряжено с рядом трудностей.

Во-первых, само понятие «насилие» в законодательстве не раскрыто. Можно соглашаться или нет с утверждением, что всякое определение в праве опасно (лат.: *omnis definitio in jure civili periculosa est*), но следует признать, что отсутствие легальной дефиниции должно компенсироваться единообразным пониманием в правоприменительной практике, чего в настоящее время не наблюдается¹⁴. Расходятся в подходах к определению понятия «насилие» и ученые. По мнению Г. Н. Киреева, «насилие существует там, тогда и постольку, где, когда и поскольку имеет место присвоение, подавление, подчинение воли субъекта, господство над ней»¹⁵. Другие авторы полагают, что насилие представляет собой «действия, направленные на принуждение других лиц к совершению определенных действий путем физического или психического воздействия»¹⁶.

Не оспаривая приведенные определения, нельзя не отметить, что для целей законодательного ограничения насилия они являются излишне широкими (удаление ребенку молочного зуба вопреки его желаниям также является принуждением и подавлением воли). Более подходящей в контексте рассматриваемой темы представляется дефиниция Н. В. Иванцовой, которая определяет насилие как «умышленное противоправное физическое и (или) психиче-

ское воздействие на личность другого человека, совершенное вопреки или против его воли и причинившее ему существенный вред либо ставящее его в опасность причинения такого вреда»¹⁷. Именно такие критерии, как реальное либо потенциальное причинение человеку существенного вреда и нарушение его права на личную неприкосновенность, делают рассматриваемое деяние общественно опасным.

Во-вторых, ограничивая распространение информации, связанной с насилием, законодатель использует самые разные термины («призывы», «пропаганда», «обоснование», «оправдание», «побуждение»), что свидетельствует о различном содержательном наполнении ограничений. Если конкретный нормативный правовой акт говорит о призывах, но не упоминает оправдание, можно предположить, что оправдание насилия этим актом не ограничено. Однако телеологическое толкование подсказывает, что во всех анализируемых нормах законодатель исходит из необходимости ограничить распространение информации, формирующей представление о допустимости насилия, и неважно, как именно это представление формируется — путем «обоснования», «оправдания», «призывов» или «побуждения». В связи с этим эффективнее было бы остановиться на одном родовом понятии, в качестве которого оптимальным представляется «пропаганда».

В судебной практике под пропагандой понимается деятельность по распространению информации, направленной на формирование в сознании установок и (или) стереотипов поведения либо имеющей цель побудить или побуждающая лиц, которым она адресована, к совершению каких-либо действий или к воз-

¹³ Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

¹⁴ См., например: постановление Президиума суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 14.03.2014 № 44У-13/2014 ; апелляционное постановление Верховного суда Республики Мордовия от 21.10.2020 № 22-1410/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Киреев Г. Н. Сущность насилия. М. : Прометей, 1990. С. 103.

¹⁶ Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова. М. : Норма, 2000. С. 386.

¹⁷ Иванцова Н. В. Насилие против личности в уголовном законодательстве (проблемы теории) / под ред. О. Ф. Шишова. Чебоксары : Чувашия, 2003. С. 112–120.

держанию от их совершения¹⁸. Соответственно, пропаганду насилия можно определить как распространение информации, направленной на формирование представлений о насилии в качестве приемлемого и (или) предпочтительного способа разрешения социальных противоречий или удовлетворения потребностей, а равно имеющей целью побуждение к насилию.

Еще одной причиной недостаточной эффективности существующих ограничений является просматривающаяся в правовом регулировании «вторичность» проблем пропаганды насилия. Так, статья 29 Конституции РФ запрещает пропаганду социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды, но полностью обходит стороной вопрос пропаганды насилия.

Кодексом РФ об административных правонарушениях предусмотрена ответственность за пропаганду наркотических средств и психотропных веществ (ст. 6.13), педофилии (ст. 6.21.1), нацистской и экстремистской символики (ст. 20.3), нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола (ст. 6.21) и даже за пропаганду закиси азота (ст. 6.13.1), однако специальные нормы об ответственности за пропаганду насилия в нем отсутствуют. Исследователи отмечают, что средства массовой информации всё равно могут быть привлечены к ответственности (например, по ст. 13.21 КоАП РФ), но контролирующие органы чаще ограничиваются предупреждениями¹⁹.

Такое отношение контролирующих органов вполне объяснимо. Отсутствие в КоАП РФ пропаганды насилия в качестве самостоятельного состава правонарушения свидетельствует о том, что законодатель считает ее менее опасной для

общества, чем пропаганду «веселящего газа» или нетрадиционных сексуальных отношений.

Не лучше ситуация обстоит и с УК РФ, которым запрещены пропаганда терроризма (ст. 205.2, 205.4), деятельности ряда некоммерческих организаций (ч. 3 ст. 239), диверсий (ст. 281.3), нацистской или экстремистской символики (ст. 282.4), возбуждение ненависти либо вражды по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии или социальной группе (ст. 282), но нет ни одного упоминания пропаганды неполицированного насилия, ненависти или вражды, направленной не на социальную группу, а на отдельного человека. Найти этому оправдание крайне сложно, поскольку еще в июне 2002 г. на совместном заседании коллегии МВД и прокуратуры РФ по проблемам борьбы с серийными убийствами и другими тяжкими преступлениями против личности одним из основных криминогенных факторов была названа именно пропаганда жестокости и насилия²⁰.

Если обратиться к зарубежному опыту, то, например, в ФРГ за распространение материалов, выражающих прославление или умаление опасности актов насилия, предусмотрена уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до одного года или денежного штрафа (ст. 131 Уголовного уложения ФРГ)²¹. Подобное положение присутствует и в законодательстве Швейцарии: в соответствии со ст. 135 Уголовного кодекса Швейцарии тюремным заключением или штрафом наказываются производство, хранение и демонстрация материалов, изображающих насилие над людьми или животными²².

Думается, что ужесточение наказаний само по себе не решит проблему насилия. Можно

¹⁸ См., например: определение Верховного Суда РФ от 15.08.2012 № 1-АПГ12-11 ; постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 14.05.2021 № 16-618/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Захарова Н. А., Коржов В. Ю., Кайль А. Н. Комментарий к Закону РФ от 27.12.1991 № 2124-I «О средствах массовой информации» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс». 2018.

²⁰ Ключкова А. В. Пропаганда насилия и жестокости в средствах массовой информации (криминологический аспект) // Культура: управление, экономика, право. 2006. № 4. С. 2–7.

²¹ Головенков П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия — Strafrechtsgesetzbuch (StGB). Potsdam : Universitätsverlag Potsdam, 2021.

²² Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред., предисл. и пер. с нем. канд. юрид. наук А. В. Серебренниковой. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002.

даже сказать, что жестокость пенитенциарной системы, напротив, реабилитирует насилие в глазах общества по принципу: «цель оправдывает средства» (как писал Чезаре Беккариа, «тот же самый дух зверства, который водил рукой законодателя, управлял рукой и отцеубийцы, и разбойника»²³). Однако отсутствие уголовной ответственности за целенаправленное формирование представлений о приемлемости насилия как такового в условиях криминализации пропаганды отдельных его видов выглядит не только диссонирующим с приматом прав и свобод отдельной личности над интересами социальной группы, но и крайне непоследовательным.

Вместо того чтобы занять четкую позицию и либо установить в УК РФ запрет на пропаганду насилия вообще (как в ФРГ или Швейцарии), либо отказаться от криминализации пропаганды каких-либо его видов (как, например, в США²⁴), сосредоточившись на административном регулировании оборота информации, законодатель предпочел промежуточный вариант, который не способен привести к желаемому результату. Те же идеи терроризма, экстремизма и массовых беспорядков произрастают как раз из представлений о насилии как о допустимом способе разрешения противоречий. И нет разницы, о каких противоречиях идет речь — политических, идеологических, религиозных или межличностных; сама идея насилия несет в себе деструктивный потенциал, распространяющийся, подобно раковым клеткам, на все сферы общественной

жизни. Неслучайно в Обзоре Глобальной контр-террористической стратегии ООН (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 01.07.2016 № 70/291) особо указывалось на необходимость противодействия оправданию насилия (п. 54)²⁵.

Устранение обозначенных недостатков в правовом регулировании оборота информации, пропагандирующей насилие, не терпит отлагательства. Как отмечают ученые, при современном уровне развития техники и технологии проблема насилия представляет реальную угрозу не только для отдельных социальных групп, но и для всего человечества²⁶. Чтобы нивелировать эту угрозу, необходимо признать вслед за Э. Дюркгеймом, что основным способом конструктивного урегулирования социальных конфликтов является создание новой нравственности, основанной на разуме, а не силе²⁷. Формирование представлений о насилии как о неприемлемом способе разрешения противоречий должно стать доминирующей в общественном сознании идеей парадигмы развития современной цивилизации, и именно право должно служить ее основным проводником. Для этого требуются системность и межотраслевой подход, предполагающие не только унификацию терминологии и внесение изменений в КоАП РФ и УК РФ, но и дополнение запретом пропаганды насилия и жестокости ст. 29 Конституции РФ. Пропаганда насилия против личности должна быть признана не менее общественно опасной, чем пропаганда политически, идеологически и религиозно мотивированного насилия.

²³ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. С. 308–309.

²⁴ Сысоев А. М. «Преступления ненависти» в законодательстве США: характеристика и тенденции // Пенитенциарная наука. 2009. № 5. С. 70–73.

²⁵ Приводится по определению Конституционного Суда РФ от 21.09.2017 № 1797-О (СПС «Консультант-Плюс»).

²⁶ См.: Лысак И. В. Человек — разрушитель: деструктивная деятельность человека как социокультурный феномен. Таганрог : Изд-во ТРТУ, 1999. С. 3 ; Лоренц К. Преодоление зла // Знание — сила. 1990. № 9. С. 31.

²⁷ См.: Соколов С. В. Социальная конфликтология : учеб. пособие для вузов. М. : Юнити-Дана, 2001. С. 16–17.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. — М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. — 182 с.
2. Бильданова В. Р., Бисерова Г. К., Шагивалеева Г. Р. Психология стресса и методы его профилактики : учеб. пособие. — Елабуга : Издательство ЕИ КФУ, 2015. — 142 с.
3. Головненков П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия — Strafgesetzbuch (StGB). — Potsdam : Universitätsverlag Potsdam, 2021. — 489 S.
4. Захарова Н. А., Коржов В. Ю., Кайль А. Н. Комментарий к Закону РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-I «О средствах массовой информации» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс». — 2018.
5. Иванцова Н. В. Насилие против личности в уголовном законодательстве (проблемы теории) / под ред. О. Ф. Шишова. — Чебоксары : Чувашия, 2003. — 119 с.
6. Игнатов А. Н. Насилие как фундаментальный тренд цивилизационного развития человечества. Часть 3: постиндустриальный период // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2021. — № 4 (ч. 2). — С. 73–80.
7. Киреев Г. Н. Сущность насилия. — М. : Прометей, 1990. — 110 с.
8. Ключкова А. В. Пропаганда насилия и жестокости в средствах массовой информации (криминологический аспект) // Культура: управление, экономика, право. — 2006. — № 4. — С. 2–7.
9. Котова Н. К. Проблема насилия в современном обществе // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. — 2020. — № 1 (59). — С. 241–247.
10. Красиков В. И. Насилие в истории и современном обществе: социальные, политические и правовые метаморфозы // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2015. — № 2 (57). — С. 58–62.
11. Лоренц К. Преодоление зла // Знание — сила. — 1990. — № 9. — С. 58–67.
12. Лысак И. В. Человек — разрушитель: деструктивная деятельность человека как социокультурный феномен. — Таганрог : Изд-во ТРТУ, 1999. — 55 с.
13. Соколов С. В. Социальная конфликтология : учеб. пособие для вузов. — М. : Юнити-Дана, 2001. — 327 с.
14. Сысоев А. М. «Преступления ненависти» в законодательстве США: характеристика и тенденции // Пенитенциарная наука. — 2009. — № 5. — С. 70–73.
15. Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред., предисл. и пер. с нем. канд. юрид. наук. А. В. Серебренниковой. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. — 350 с.
16. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова. — М. : Норма, 2000. — 1008 с.
17. Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. — М. : Ренессанс, 1992. — 289 с.
18. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М. : АСТ, 1998. — 670 с.
19. Цветков В. Л. Профилактика асоциального поведения малолетних // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2005. — № 1 (23). — С. 56–58.

Материал поступил в редакцию 27 июля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bekkaria Ch. O prestupleniyakh i nakazaniyakh. — M.: Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1939. — 182 s.
2. Bildanova V. R., Biserova G. K., Shagivaleeva G. R. Psikhologiya stressa i metody ego profilaktiki: ucheb. posobie. — Elabuga: Izdatelstvo EI KFU, 2015. — 142 s.
3. Golovnenkov P. V. Ugolovnoe ulozhenie Federativnoy Respubliki Germaniya — Strafgesetzbuch (StGB). — Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2021. — 489 S.
4. Zakharova N. A., Korzhov V. Yu., Kayl A. N. Kommentariy k Zakonu RF ot 27 dekabrya 1991 g. № 2124-I «O sredstvakh massovoy informatsii» (postateyny) // SPS «KonsultantPlyus». — 2018.

5. Ivantsova N. V. Nasilie protiv lichnosti v ugovnom zakonodatelstve (problemy teorii) / pod red. O. F. Shishova. — Cheboksary: Chuvashiya, 2003. — 119 s.
6. Ignatov A. N. Nasilie kak fundamentalnyy trend tsivilizatsionnogo razvitiya chelovechestva. Chast 3: postindustrialnyy period // Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. — 2021. — № 4 (ch. 2). — S. 73–80.
7. Kireev G. N. Sushchnost nasiliya. — M.: Prometey, 1990. — 110 s.
8. Klochkova A. V. Propaganda nasiliya i zhestokosti v sredstvakh massovoy informatsii (kriminologicheskiy aspekt) // Kultura: upravlenie, ekonomika, pravo. — 2006. — № 4. — S. 2–7.
9. Kotova N. K. Problema nasiliya v sovremennom obshchestve // Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoy informatsii Respubliki Kazakhstan. — 2020. — № 1 (59). — S. 241–247.
10. Krasikov V. I. Nasilie v istorii i sovremennom obshchestve: sotsialnye, politicheskie i pravovye metamorfozy // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. — 2015. — № 2 (57). — S. 58–62.
11. Lorents K. Preodolenie zla // Znanie — sila. — 1990. — № 9. — S. 58–67.
12. Lysak I. V. Chelovek — razrushitel: destruktivnaya deyatel'nost cheloveka kak sotsiokulturnyy fenomen. — Taganrog: Izd-vo TRTU, 1999. — 55 s.
13. Sokolov S. V. Sotsialnaya konfliktologiya: ucheb. posobie dlya vuzov. — M.: Yuniti-Dana, 2001. — 327 s.
14. Sysoev A. M. «Prestupleniya nenavisti» v zakonodatelstve SShA: kharakteristika i tendentsii // Penitentsiarnaya nauka. — 2009. — № 5. — S. 70–73.
15. Ugolovnyy kodeks Shveytsarii / nauch. red., predisl. i per. s nem. kand. yurid. nauk. A. V. Serebrennikovoy. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr-Press, 2002. — 350 s.
16. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast: uchebnyy dlya vuzov / pod red. I. Ya. Kozachenko, Z. A. Neznamovoy, G. P. Novoselova. — M.: Norma, 2000. — 1008 s.
17. Freyd Z. Psikhoanaliz. Religiya. Kultura. — M.: Renessans, 1992. — 289 s.
18. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti. — M.: AST, 1998. — 670 s.
19. Tsvetkov V. L. Profilaktika asotsialnogo povedeniya maloletnikh // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. — 2005. — № 1 (23). — S. 56–58.